

ЭО, 2013 г., № 5

А.Н. Ямсков*

О Кавказе и его границах

Ключевые слова: Кавказ, пространственные границы, кавказские народы, территориальная идентичность, историко-этнографическая область, физико-географическая страна, геополитический регион, историко-географический регион, культурно-географический регион

Автор последовательно рассматривает существующие в литературе различные трактовки Кавказа как историко-этнографической области, нескольких соседних физико-географических областей и их частей (причём относящихся к разным природным странам), геополитического региона, историко-географического (или культурно-географического) региона, и соответствующие принципиально разные основания для определения его пространственных границ. Наиболее распространено историко-географическое понимание Кавказа и его границ, берущее свое начало в эпоху формирования территории Российской империи и закрепившееся в общественном сознании в советский и постсоветский периоды. Такое представление о Кавказе и его границах сформировало кавказскую территориальную идентичность у той части армян и азербайджанцев, которые проживают в пределах государств Закавказья (Южного Кавказа).

* **Анатолий Николаевич Ямсков** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сектора этноэкологии Института этнологии и антропологии РАН и, по совместительству, доцент Кафедры физической географии и геоэкологии Института естественных наук Московского городского педагогического университета: yamskov@iea.ras.ru

Работа Р. Топчишвили, инициировавшего данную дискуссию, посвящена действительно актуальной проблеме – определению пространственных границ Кавказа с учётом новых геополитических реалий. Этот разговор ещё далёк от завершения, и предлагаемая подборка публикаций его тоже, конечно же, не закончит, но, будем надеяться, внесёт некие новые аргументы в дискуссию.

Прежде всего, нельзя не согласиться с автором в главном: границы Кавказа не могут, как это часто бывает, определяться частью по физико-географическим, а частично – по геополитическим критериям, ибо такой подход явно нарушает базовое правило районирования, т.е. требование однородности критериев выделения района. Также совершенно оправдан и ещё один принципиальный для Р. Топчишвили вывод – границы Кавказа, в данном случае южные, совсем не обязательно должны совпадать с межгосударственными рубежами, унаследованными от СССР, а частью – и от Российской империи.

Начатый Р. Топчишвили разговор о границах Кавказа мне кажется целесообразным продолжить следующим образом: во-первых, отметить несколько, на мой взгляд, досадных фактических погрешностей этого автора; во-вторых, кратко обозначить основные существующие трактовки того, что есть Кавказ (т.е. историко-этнографическое, физико-географическое, политико-географическое, культурно- или историко-географическое представления об этом регионе) и как при различных пониманиях данного феномена меняются определения и локализации его территориальных границ; в-третьих, попытаться показать, что оптимальным является восприятие Кавказа как особого историко-географического региона, и рассмотреть, как и почему в последние полтора века происходило формирование границ последнего.

Начнём с некоторых неточностей, допущенных Р. Топчишвили. В частности, при всей неоднократно подчеркивавшейся физико-географами условности и искусственности выбора природных рубежей в качестве границы между Европой и Азией, эта граница проводится обычно не по водоразделу Большого Кавказа, как он утверждает, а по Кумо-Манычской впадине. Так говорится в учебниках по географии для средних школ (*Коринская и др.* 2000: 230) и университетов (*Власова 1966: 9-10; Мильков, Гвоздецкий 1976: 345-346*), а также во многих зарубежных справочниках (см., например: *Kuma-Manych Depression 2012; Sengor 1997: 34*). Поэтому, в частности, высочайшей вершиной Европы обычно считается г. Монблан (4807 м) в Альпах, а не Эльбрус (5642 м – западная вершина), так как весь Кавказ относится к Азии.

(Подробнее об истории разграничения этих частей света, Европы и Азии, и о том, как был формально решён в СССР вопрос о границе Европы и Азии на заседании Отделения школьной и физической географии Московского филиала Географического общества СССР 3 апреля 1958 года, см.: *Чибилев* 2012).

Приводя цитату с развёрнутым описанием южной границы Кавказа, датируемым 1924 г., Р. Топчишвили ошибочно полагает, что оно соответствует тогдашней южной границе СССР либо современных Грузии и Армении с Турцией. Нет, речь там шла о северной границе Карсской области, существовавшей в пределах Российской империи, так что фигурирующие в том описании хребет Агрыдаг или г. Большой Арарат ныне полностью находятся внутри территории современной Турции, а не на её границах. Также никак нельзя согласиться с Р. Топчишвили в том, что он считает приемлемым отождествление горной части Северного Кавказа с Предкавказьем. Напротив, Предкавказье всегда понимается только как прикубанские и притерские равнины и Ставропольская возвышенность, лежащие к северу от хребтов Большого Кавказа. (См., например, о территориях Предкавказья, лежащих между горами Большого Кавказа и Кумо-Манычской впадиной, а также о предпочтительности отнесения всего Кавказа к Азии: *Caucasus* 2012).

Отмеченные выше частные ошибки или неточности инициатора этой важной дискуссии Р. Топчишвили сочетаются с главным, на мой взгляд, недостатком его подхода – явной абсолютизацией физико-географического понимания Кавказа, что вряд ли оправданно. К тому же

с. 67

его позицию характеризует недостаточное осознание того факта, что возможны и реально существуют принципиально разные трактовки того, что есть Кавказ, которые возникли и получили своё обоснование в рамках разных научных дисциплин и в которых, таким образом, фигурируют различные основания для определения границ этого региона.

Так, справедливо полагая, что если Кавказ – «географический регион», то его границы должны поводиться по «природно-географическим критериям», а использование «политических» критериев для их обоснования является ошибкой, сам Р. Топчишвили считает почему-то возможным ввести ещё и этнографические критерии для очерчивания территории Кавказа в пределах современной северо-восточной Турции с этнически грузинским (лазским) населением. Вместе с тем, говоря о территориях Кавказа в пределах северо-западного Ирана, этот автор оперирует уже только физико-географическими критериями и прямо отказывается, в

отличие от предыдущего случая, обращать внимание на этнографический критерий, т.е. на границы ареала расселения этнических азербайджанцев. Таким образом, налицо как двойные стандарты (без объяснений автор берёт критерий расселения грузин как маркер границ Кавказа, но использует совсем другие критерии применительно к ареалу расселения азербайджанцев), так и нарушение установленного самим Р. Топчишвили верного правила – границы природно-географического региона должны определяться только по природно-географическим критериям.

Итак, рассмотрим, с каких именно позиций, или же в рамках каких научных дисциплин и свойственных им методологических подходов, можно попытаться описать, что есть Кавказ и каковы, следовательно, его территориальные пределы.

Прежде всего, существует *историко-этнографическое понимание Кавказа*, т.е. следует непременно вспомнить о концепции «историко-этнографической области» (или историко-культурной области). Она появилась в советской этнографии вместе и во взаимосвязи с концепцией хозяйственно-культурного типа, и изначально одним из примеров такого рода региона был назван Кавказ в составе двух взаимосвязанных областей – северокавказской и закавказской (Левин, Чебоксаров 1955: 14). Б.В. Андрианов также выделял «Кавказскую историко-этнографическую провинцию» в составе двух областей – северокавказской и закавказской, а также «Юго-западноазиатскую (переднеазиатскую)» провинцию, включавшую в свой состав, в частности, «малоазиатскую» и «ирано-афганистанскую» историко-этнографические области (Андрианов 1995: 32). Данная точка зрения является довольно широко распространённой среди этнологов и вполне адекватной.

К сожалению, эта информация не даёт нам сведений об историко-этнографических границах между Кавказом и Передней Азией, но указывает на факт их существенных различий. Ведь это – два разных и равнозначных по культурной специфике населяющих их народов историко-этнографических региона (будь то провинции или области – в данном случае иерархический уровень этой единицы историко-этнографического районирования для нас не важен). Если вспомнить, что один народ может входить только в одну историко-этнографическую область, и оценить исторические ареалы расселения и, главное, специфику традиционных культур талышей, азербайджанцев и армян, то придётся сделать вывод, что территории расселения этих народов не относятся к Кавказу как историко-этнографическому региону. В том же убеждает нас и вывод, получаемый методом «от противного» – ведь если бы эти народы в историко-этнографическом смысле действительно являлись «кавказскими»,

то тогда пришлось бы относить к Кавказу обширные территории иранского Азербайджана или исторической Западной Армении, что абсурдно. Ведь до геноцида сплошной ареал расселения армян доходил вплоть до центральных областей современной Турции (картосхему с численностью и долей армян в населении провинций Турции в 1914 г. см.: *Саркисян*, 2012: 84; локализацию этнографических районов исторической Армении см. также:

с. 68

Народы Кавказа 1962: 440). Ареал расселения азербайджанцев в Иране распространяется южнее широты Тегерана и не доходит всего примерно 120 км до лежащей к востоку столицы Ирана (Народы России 1995).

Итак, представляется, что лишь исторические ареалы расселения грузин и горских народов Северного Кавказа формируют Кавказ как историко-этнографический регион, который при такой трактовке захватывает и прилегающие к Грузии и черноморскому побережью части современной Турции с этнически грузинским населением. Но при этом Кавказ не включает в себя современные Восточную Армению и Северный Азербайджан (кроме части северных районов последнего с населением из народов Дагестана). Важно только уточнить, что выделять историко-этнографические области следует не по современным реалиям в расселении, культуре или самосознании населения, а по особенностям традиционной культуры и расселения народов на период до начала колониальной экспансии европейских держав, т.е. в случае Передней Азии и Кавказа – примерно на конец XVIII – начало XIX века.

Такой вывод отчасти подтверждают и материалы отечественных учебников по этнологии – в обоих постсоветских изданиях к народам Западной или Передней Азии относят армян и азербайджанцев (*Марков* 2007: 238-239, 251) или их же и талышей (*Марков* 1994: 84-85). Впрочем, в тех же учебниках об этих же народах говорится, и гораздо подробнее, в главе по Кавказу как особому историко-этнографическому региону (*Козлова* 1994: 334-335) или в главе о государствах Закавказья (*Арутюнов, Козлова* 2007: 613-614). Таким образом, налицо путаница с границами Кавказа как историко-этнографического региона даже в учебниках. То же самое можно сказать и о справочно-энциклопедических историко-этнографических изданиях конца 1950-х – начала 1960-х гг. Армяне и азербайджанцы описываются там как в томе по Кавказу (Народы Кавказа 1962), так и в томе по Передней Азии, причём в последнем армяне, азербайджанцы и талыши однозначно характеризуются как переднеазиатские народы, и только о переселенцах-«черкесах» и местных грузинах-лазах в северо-восточной Тур-

ции сказано, что это «народы кавказского происхождения» (Народы Передней Азии 1957: 23-24).

С другой стороны, С.А. Арутюнов описывает армян, азербайджанцев и талышей как народы историко-этнографической области Кавказ. Но он отмечает, что некоторые ведущие культурные маркеры «кавказскости» в минимальной степени выражены именно у азербайджанцев и армян и вообще на юго-восточной окраине Кавказа, т.е. у населения восточной части современного Закавказья (Арутюнов 2012: 34-35). Вероятно, в последнем случае выводы ведущего отечественного кавказоведа об историко-этнографических границах Кавказа отражают скорее изменения в культуре и самосознании тех частей армян и азербайджанцев, которые длительное время пребывали в рамках Российской империи и СССР, а не исходные и более традиционные особенности этнических культур этих народов.

На это мнение С.А. Арутюнова и многих других его сторонников, видимо, влияет и «магия» топонима Малый Кавказ – трудно ведь не назвать «кавказским» народ, исторически живущий в том числе и на Кавказе, пусть и «малом». Хотя в действительности термин «Малый Кавказ», как и любое другое физико-географическое название, отражает лишь природные, а вовсе не историко-культурные или геополитические реалии. Как пример весьма существенных различий в локализации между физико-географическими и геополитическими объектами со сходными названиями, приведу казус Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) в границах на 1987 г. (до начала конфликта), занимавшей тогда часть горной территории исторического Карабаха. Несмотря на своё официальное наименование, из двух географических объектов с названиями, производными от термина «Карабах», НКАО включала лишь часть Карабахского хребта, западные склоны которого относились уже к Кельбаджарскому и Лачинскому районам собственно Азербайджана. Карабахское нагорье целиком входило в указанные районы Азербайджана

с. 69

и в пограничные районы Армении, вообще не заходя в пределы НКАО. С другой стороны, территория НКАО охватывала также часть Муровдагского хребта и прилегающие к горам районы Куро-Араксинской низменности.

Физико-географическое понимание Кавказа получило, на мой взгляд, непропорционально большое отражение в работе Р. Топчишвили. К тому же он оперирует им одновременно с геополитическими или этнографическими трактовками этого феномена, не проводя

должных разграничений между ними, что представляется ошибочным. Однако надо остановиться, естественно, и на трактовке Кавказа как физико-географического явления.

Отечественная физическая география выделяет «страны» как основные единицы районирования материков по комплексу природных особенностей, от геологической истории и современного рельефа до климата, почв и естественной растительности. На интересующих нас территориях первоначально выделялась «Крымско-Кавказская горная страна», частями которой являются только горы Большого Кавказа и равнины и возвышенности Закавказья; при этом Малый Кавказ и небольшая советская часть Армянского нагорья были отнесены к другой физико-географической стране – «Малоазиатским нагорьям»; Талышские горы относили к стране «Иранское нагорье»; равнины и возвышенности Предкавказья попали в страну «Восточно-Европейская равнина» (Естественноисторическое районирование 1947: 155, 179, 182). Во многом эти же решения были воспроизведены в ставшем классическим фундаментальном произведении советской физической географии – там, в разделе «Физико-географическое районирование», тоже были выделены следующие «природные страны»: Крымско-Кавказская (включает только Большой Кавказ и равнины Закавказья); Переднеазиатские нагорья (включает Армянское нагорье и Малый Кавказ как его окраинную часть, отдельно – Талышские горы); Восточно-Европейская равнина (прикубанские и притерские степи и Ставропольская возвышенность) (ФГАМ 1964: 247-250). То же самое деление на физико-географические страны было недавно воспроизведено и для территории Российской Федерации (Национальный атлас 2007: 402-403), а включение Талышских гор как области в состав страны «Армянское нагорье» повторилось и в университетском учебнике (Физическая география материков 1988: 180-181, 204-205).

Таким образом, в физической географии нет единого Кавказа, а есть несколько разных природных стран, часть которых в основном занимает территории соседних государств и лишь своими окраинами заходит в пределы СССР или современных закавказских государств. Кстати, Р. Топчишвили серьёзно ошибается, считая, что отечественные географы проводят южную границу Кавказа по государственной границе СССР. С позиций физической географии даже южная граница собственно Кавказа (т.е. гор Большого Кавказа и равнин Закавказья) тоже не совпадает, например, с южной границей Азербайджана, т.к. «природная провинция Куринская низменность» распространяется на юг до подножия хребта Карадаг, целиком лежащего в пределах Ирана (иранского Азербайджана) и являющегося связующим звеном между хребтами Малого Кавказа и Талышских гор (ФГАМ 1964: 247). Впрочем, даже в

общедоступном справочнике сказано, что часть территории Кавказа заходит «на восток Турции и на северо-запад Ирана» (Кавказ 1997: 474). С позиций физической географии нельзя согласиться с Р. Топчишвили и в том, что часть Понтийских гор относится к Кавказу – нет, все Понтийские горы целиком составляют физико-географическую область, являющуюся северной окраиной страны «Малоазиатское нагорье», тогда как хребты Малого Кавказа – это часть совсем другой страны, «Армянского нагорья» (Алексеева 2000: 97, 99, 296-297, 300-301).

Однако и в физической географии существуют вариации в трактовке территории и границ Кавказа. В первую очередь здесь стоит упомянуть точку зрения одного из ведущих географов-кавказоведов Н.А. Гвоздецкого, который рассматривал Кавказ

с. 70

несколько иначе, т.е. как группу тесно связанных друг с другом физико-географических областей (обычно области выделяют в составе физико-географических стран). Он выделил такие области, как: Предкавказье, Большой Кавказ, равнины Закавказья, Малый Кавказ, Талышские горы и Ленкоранская низменность (часть Гирканской области, находящейся в основном в Иране), Джавахетско-Армянское нагорье (часть области Армянского нагорья, расположенной в основном в Турции). Первоначально эта позиция была обоснована в авторской монографии (Гвоздецкий 1963), а потом легла в основу написанной им части учебника для университетов (Мильков, Гвоздецкий 1976: 366-367).

Политико-географическое, или *геополитическое понимание Кавказа* отличается наибольшей ясностью и простотой, ибо основано на вполне определённых основаниях – государственных и административных границах, которыми и определяется его территория. В этом отношении Кавказ как особый геополитический регион состоит из государств Закавказья, или Южного Кавказа – Грузии, Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха (фактическую роль последнего в политических процессах в регионе трудно переоценить), а также Северного Кавказа в составе республик и краёв Российской Федерации (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Адыгея, Ставропольский край, Краснодарский край); именно к Северному Кавказу тяготеют ещё два государства – Абхазия и Южная Осетия, хотя они и расположены в Закавказье. Разумеется, наличие Северо-Кавказского федерального округа, не включившего в свой состав Адыгею и Краснодарский край, не может служить основанием для того, чтобы не считать эти респуб-

лику и край частями Кавказа. В геополитическом смысле как Адыгея, так и Краснодарский край несомненно относятся к Северному Кавказу, и они очень тесно связаны с соседними краями, республиками и государствами, а потому социально-политическая обстановка в них во многом зависит от процессов, идущих у соседей. Примерно так, кстати, определяются границы Кавказа и в двух недавно изданных атласах – во французском «Геополитическом атласе Кавказа» Ж. Радвани и Н. Беручашвили (цит. по: *Бабич и др.* 2011: 167) и в отечественном «этнополитическом» атласе (*Цуциев* 2007).

Особое место занимает главное предложение Р. Топчишвили о выделении так называемого «Южного Кавказа» в составе северо-восточной части Турции (якобы «Юго-Запад Южного Кавказа») и северо-западной части Ирана (якобы «Юго-Восток Южного Кавказа»), с которым соглашаться никак нельзя. С научной точки зрения, здесь, во-первых, не выполнены условия однородности критериев районирования (остальные части Кавказа выделяются по государственным или административным либо физико-географическим границам, а эти – по этнографическому в случае части Турции и якобы физико-географическому в отношении части Ирана). Во-вторых, сложно согласиться с самим подходом Р. Топчишвили к географии, на основе которого он приходит в том числе и к данному предложению – в физической географии территории делятся не по водоразделам хребтов и речным бассейнам, а прежде всего по странам и слагающим их областям. Так что, например, «Северный Кавказ» не физико-географическое понятие, а геополитическое, экономико-географическое или историко-этнографическое, ведь в собственно физической географии выделяется «Большой Кавказ» как горная система безотносительно границ занимающих его постсоветских государств или республик и краев России. Аналогичным образом, выделенный Р. Топчишвили «Юго-Восток Южного Кавказа» (в пределах иранского Азербайджана) в действительности не имеет физико-географического обоснования, так как искусственно объединяет заходящую в пределы Ирана окраинную часть Куро-Араксинской низменности (из страны «Кавказ») и хребты, окаймляющие Армянское нагорье (из страны «Армянское нагорье», а частью и из соседней страны «Иранское нагорье»).

с. 71

Кроме того, это предложение Р. Топчишвили крайне невыгодно для России в политическом плане. Ведь до сих пор общераспространенным является представление, что государствами Кавказа являются только закавказские государства и Российская Федерация вследст-

вие наличия в ней республик и краев Северного Кавказа. Турция и Иран представляют собой всего лишь соседние с Кавказом государства, которые, однако, исторически очень тесно связаны с ним и потому имеют в регионе свои законные интересы. Предложение же Р. Топчишвили превращает Турцию и Иран в собственно кавказские государства, резко повышая их формальный статус и возможные претензии в кавказской политике, что потенциально только ещё больше осложнит и без того крайне проблемную геополитическую ситуацию на Кавказе.

Наконец, существует и ещё один подход к обсуждаемой проблеме: *Кавказ как историко-географический регион*, сформированный не только природными особенностями территории или политико-административными границами, но и историей заселения, особенностями формирования современного населения, сохраняющейся в общественном сознании народов памятью о былых войнах и установлении либо утрате политического господства крупных держав над частями территории и народами Кавказа. Однако главное в таком понимании Кавказа – образ этого региона в общественном сознании как его жителей, так и населения сопредельных или даже отдалённых территорий.

Строго говоря, в данном контексте речь правильнее было бы вести о Кавказе как культурно-географическом регионе. Но я боюсь, что в нашей стране культурная география, при всех беспрецедентных успехах её развития в последние десятилетия, остаётся всё ещё не очень хорошо понятой неспециалистами. К тому же однозначно и чётко объяснить, что такое «культурно-географический регион» и как именно выделять такие регионы и определять их границы, далеко не просто даже экспертам в этой области (об этом см., например: *Митин* 2012; *Стрелецкий* 2012). Кстати говоря, относительно недавний опыт «культурно-ландшафтного районирования территории России» применительно к Северному Кавказу оказался, мягко говоря, весьма неудачным. Так, совершенно непонятно, зачем надо было в рамках якобы культурно-географического подхода выделять «многонациональную Северо-Кавказскую область» только в составе и по границам республик Северного Кавказа, да ещё и объединив их с Калмыкией в указанную единую область (Национальный атлас 2008: 226-227). Неясно, чем именно такой подход отличается по своим результатам от обычного политико-географического определения общей территории северо-кавказских республик (естественно, без Калмыкии) по их границам как некой геополитической реальности.

Правда, в рамках культурной географии уже появился вполне успешный пример районирования российской части Северного Кавказа и Предкавказья (*Лысенко* 2012: 20-21), но и в данном случае со многими методологическими и терминологическими положениями авто-

ра можно и нужно спорить. Однако при выборе данного термина гораздо важнее другое соображение – в подобном понимании Кавказа огромную роль играют социально-исторические процессы, и под их воздействием образ Кавказа меняется буквально на наших глазах, так что желательно отразить именно «историчность» данного подхода в самом обозначении региона (об исторической географии и соответствующем направлении районирования см., например: *Стрелецкий 2007*).

Итак, Кавказ как историко-географическое явление в русском общественном сознании отражает прежде всего историю установления связей России с этой территорией и её народами. Отсюда идёт легшее в основу восприятия Кавказа трёхчленное деление последовательно осваивавшегося или завоевывавшегося жителями Восточно-Европейской равнины пространства на Предкавказье, Кавказ, Закавказье (аналогичная модель дифференциации осваивавшейся русскими территории и формирования наименований её частей – Приуралье, Урал, Зауралье; близко к этому – Прибайкалье

с. 72

и Забайкалье). В данном случае физическая география или этнография отступают на задний план, а главным фактором служит положение территорий по отношению к Большому Кавказу, первоначально выступавшему как мощное горное препятствие для транспортных коммуникаций с лежащими далее к югу землями, а впоследствии ещё и как ареал долгих и кровопролитных военных действий с горцами.

Таким образом, Большой Кавказ продолжительное время выступал одновременно как барьер физико-географический и барьер социально-политический на пути экспансии Российской империи, и потому он является ядром Кавказа в подобной трактовке. При таком подходе несущественно, что по своей традиционной культуре народы Предкавказья (степные ногайцы и ставропольские туркмены) не относятся к собственно «кавказским народам», а природа кубанских или терских степей имеет мало общего с природой горных районов Большого Кавказа. Главное свойство Предкавказья – то, что за ним лежит Кавказ. Соответственно, легко провести границу между Предкавказьем и Кавказом – по подножию гор (что точно совпадает с физико-географическим рубежом), ну а северная граница Предкавказья в данном контексте не требует особой точности и потому может определяться как по политико-географическим рубежам (границам республик и краев Северного Кавказа), так и по физико-географической границе – Кумо-Манычской впадине.

Аналогично и Закавказье определяется как пространство «за Кавказом», то есть то, что уже явно не Кавказ и начинается сразу после спуска с гор и окончательного преодоления барьера Большого Кавказа. Южная же граница Закавказья вновь не является релевантной для общественного мнения и потому чаще всего воспринимается как совпадающая с южными пределами «наших земель», то есть с государственной границей Российской империи или СССР, а теперь, в силу исторической инерции, – с границами закавказских государств с Турцией и Ираном. Естественно, на многих своих отрезках эти границы не совпадают ни с этнографическими, ни с физико-географическими рубежами, ибо формирование границ отразило военно-политическую обстановку в Закавказье XIX века и только. Повторюсь, для образа Кавказа в целом или Закавказья как его части не столь уж важно, что в физико-географическом или этнографическом отношении он фактически протягивается в ряде случаев далее к югу, в пределы Ирана и Турции.

Думаю, что в большинстве случаев, когда мы встречаем понятие «Кавказ», речь идёт именно об историко-географическом феномене, и потому для определения его пространственных пределов не стоит углубляться в вопросы физической географии или этнографии, как это сделал Р. Топчишвили.

Предположение о том, что Кавказ является, в частности, историко-географическим феноменом, существующим в том числе в общественном сознании россиян и жителей других постсоветских государств, – это не просто констатация некоего факта, но и обозначение фактора, имеющего весьма важные социально-политические следствия. Укрепившееся в общественном сознании русскоязычного населения Российской империи, а потом и СССР представление о том, что Кавказ – сложный регион, включающий в свой состав и Закавказье, стало мощным фактором формирования территориальной кавказской идентичности у жителей губерний и округов, а потом республик Закавказья. Вероятно, эта первоначально навязываемая извне территориальная идентичность в течение имперского и, в основном, уже советского периода истории постепенно превратила армян и азербайджанцев Закавказья в «кавказцев»¹. Однако этот процесс не затронул армян исторической Западной Армении или диаспоры и азербайджанцев иранского Азербайджана.

В постсоветскую эпоху ситуация изменилась в сторону дальнейшего и весьма резкого усиления навязывания «кавказской идентичности» армянам и азербайджанцам Закавказья. Так, с обсуждаемой точки зрения замена географического понятия

«Закавказье» на «Южный Кавказ» в этих государствах никаких изменений не принесла – территориальная кавказская идентичность продолжает столь же успешно укрепляться и при новой терминологии. Но вот массовые миграции в Россию на фоне взрывного роста кавказофобии в принимающей стране добавили ещё один мощнейший фактор формирования навязываемой извне кавказской идентичности у народов Восточного Закавказья – расизм в России стал причиной актуализации этнорасовой идентичности «кавказцев» как типичных южных европеоидов. Если с физико-антропологической точки зрения человек выглядит как «кавказец», то он не только определяется другими как представитель народов Кавказа, но и сам во всё большей степени начинает воспринимать себя таковым, или «лицом кавказской национальности» (последнее – явно расистское определение, а вовсе не этическое или «национальное»), благодаря уже имеющейся соответствующей территориальной идентичности.

Итак, складывающаяся уже без малого два столетия территориальная кавказская идентичность, к которой в последние два-три десятилетия прибавились ещё и интенсивные процессы формирования этнорасовой кавказской идентичности, в итоге создали из армян и азербайджанцев на постсоветском пространстве «народы Кавказа», и это стало социальной реальностью. Для армян, испытавших геноцид 1915-1919 гг. и территориально сокративших ареал компактного расселения до нынешних Республики Армения и Нагорно-Карабахской республики, превращение в органичную часть Кавказа как историко-географического региона практически завершилось и, видимо, стало уже необратимым. С азербайджанцами сложнее – в иранском Азербайджане таких процессов нет, и эта формирующаяся и укрепляющаяся кавказская идентичность постсоветских азербайджанцев создаёт серьёзный социокультурный разграничитель между ними и иранскими азербайджанцами. С учётом выраженной политической и культурной ориентации Азербайджана на Турцию и сохранения светского характера государства и общественной жизни в этом государстве, можно говорить о нарастающих культурных различиях между двумя территориальными группами азербайджанцев, что по крайней мере потенциально, при условии дальнейшего сохранения сегодняшних тенденций, может даже привести к образованию на их основе пусть и близких, но всё же разных этнических общностей, таких как, например, австрийцы и немцы, фламандцы и голландцы, румыны и молдаване, и т.п.

Итак, Кавказ как историко-географический регион сформировался в своих нынешних пределах в результате экспансии Российской империи и достаточно долгого, по человече-

ским меркам, существования Советского Союза со свойственными им обоим особенностями определения и наименования территорий, периферийных по отношению к русскому ядру государства. Но появление этого региона, первоначально лишь в русском общественном сознании, а потом и в административной практике царских и советских властей, т.е. через создание и распространение соответствующих топонимов посредством системы образования и СМИ, вызвало формирование кавказской идентичности у этнических групп, ранее её не имевших либо имевших в очень слабой форме. Ныне мы видим завершение исторического процесса превращения жителей Восточного Закавказья в «кавказцев» по самоощущению, так что формирование Кавказа как историко-географического региона в составе государств Закавказья и республик и краев Северного Кавказа фактически состоялось. Правда, у русского и другого «некавказского» по происхождению населения краев и республик Северного Кавказа этот процесс обретения кавказской территориальной идентичности не зашёл особенно далеко, если не считать отдельные группы казачества, но и в этой среде элементы такой кавказской идентичности тоже уже имеют место.

Однако Кавказ, как и большинство других регионов мира, может пониматься не только в подобном историко-географическом плане, но и как физико-географический, геополитический или историко-этнографический регион. При решении разных

с. 74

исследовательских задач продуктивнее использовать различные понимания региона, но главное условие – не смешивать эти принципиально разные трактовки явления, имеющего внешне одно и то же название, за которым, однако, могут скрываться существенно разные содержание, критерии выделения и, следовательно, параметры определения территориальных границ.

Примечание

¹ Дней через 10 после сдачи в редакцию первого варианта этого текста я получил неожиданное подтверждение данного тезиса в интервью Мишеля Леграна, известного французского музыканта армянского происхождения, который поддерживает связи с Арменией и является активным деятелем армянской диаспоры. Он заявил, что в составе СССР армяне подверглись “кавказизации”, и, судя по контексту, оценил это явление негативно, как фактор изменения традиционной культуры и идентичности этой части армянского народа (Реквием Армении 2012).

Литература

- Алексеева 2000* – Алексеева Н.Н. Современные ландшафты зарубежной Азии. М.: ГЕОС, 2000. 414 с.
- Андрианов 1995* – Андрианов Б.В. Историко-этнографическая область // Этнические и этносоциальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. Отв. ред. В.И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 31-33.
- Арутюнов 2012* – Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: ИНФРА-М, 2012, 416 с. (серия «Научная мысль»)
- Арутюнов, Козлова 2007* – Арутюнов С.А., Козлова К.И. Страны и народы Закавказья // Основы этнологии: Учебное пособие. Ред. В.В. Пименов. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 613-638.
- Бабич и др. 2011* – Бабич И.Л., Караваев А.В., Трофимова Г.Т., Халатов В.Ю. Рец. на: J. Radvanyi, N. Beroutchachvili. Atlas geopolitique du Caucase. Russie, Georgie, Armenie, Azerbaïdjan: un avenir commun possible? P.: Editions Autrement, 2009, 2010. 80 p. // Этнографическое обозрение, 2011, № 2. С. 165-169.
- Власова 1966* – Власова Т.В. Физическая география частей света. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М.: Просвещение, 1966. 640 с.
- Гвоздецкий 1963* – Гвоздецкий Н.А. Кавказ: очерк природы. М.: Географгиз, 1963. 261 с.
- Естественноисторическое районирование 1947* – Естественноисторическое районирование СССР. Отв. ред. Д.Г. Виленский. М.-Л.: изд. АН СССР, 1947. 374 с.
- Кавказ 1997* – Кавказ // Большой энциклопедический словарь. 2-ое изд. Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1997. С. 474.
- Козлова 1994* – Козлова К.И. Народы Кавказа // Этнология. Учебник. Для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994. С. 333-345.
- Коринская и др. 2000* – Коринская В.А., Душина И.В., Щенев В.А. География материков и океанов. 7 кл.: Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. 7-е изд. М.: Дрофа, 2000. 320 с.
- Левин, Чебоксаров 1955* – Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // Советская этнография, 1955, № 4. С. 3-17.
- Лысенко 2012* – Лысенко А.В. Культурно-ландшафтное районирование Северного Кавказа:

принципы и таксономическая система // Вопросы географии и краеведения: Материалы 5-й конференции членов Российского географического общества Ставропольского отдела. Вып. 5. Ставрополь, 2012. С. 13-22.

Марков 1994 – Марков Г.Е. Народы Западной Азии // Этнология. Учебник. Для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994. С. 81-97.

Марков 2007 – Марков Г.Е. Этносы Западной Азии // Основы этнологии: Учебное пособие. Ред. В.В. Пименов. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 236-256.

Мильков, Гвоздецкий 1976 – Мильков Ф.Н., Гвоздецкий Н.А. Физическая география СССР. Общий обзор. Европейская часть СССР. Кавказ. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Мысль, 1976. 448 с.

Митин 2012 – Митин И.И. На пути к региональной культурной географии: опыт англо-американских географов XX века // Псковский регионологический журнал, 2012, № 13. С. 3-11.

Народы Кавказа 1962 – Народы Кавказа. Том 2. Ред.: Б.А. Гарданов, А.Н. Гулиев, С.Т. Еремян, Л.И. Лавров, Г.А. Нерсесов, Г.С. Читая. М.: изд. АН СССР, 1962. 684 с.

с. 75

Народы Передней Азии 1957 – Народы Передней Азии. Ред.: Н.А. Кисляков, А.И. Першиц. М.: изд. АН СССР, 1957. 616 с.

Народы России 1995 – Народы России и сопредельных стран. (Карта. М 1:4 000 000). Руководитель авторского коллектива П.И. Пучков. М.: Федеральная служба геодезии и картографии РФ, 1995.

Национальный атлас 2007 – Национальный атлас России. Том 2. Природа. Экология. М.: Федеральное агентство геодезии и картографии, 2007. 496 с.

Национальный атлас 2008 – Национальный атлас России. Том 4. История. Культура. М.: Федеральное агентство геодезии и картографии, 2008. 496 с.

Реквием Армении 2012 – "Реквием Армении" от Мишеля Леграна: часть армян пострадала от османов, другая подверглась кавказизации // Информационное агентство REGNUM, 21.12.2012 г.: <http://regnum.ru/news/polit/1607233.html> – обращение 23.12.2012 г.

Саркисян 2012 – Саркисян Г.Г. Динамика численности и расселения армян в XIX – начале XX века // Армяне. Отв. ред.: Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц. М.: Наука, 2012. С. 81-96.

- Стрелецкий 2007* – *Стрелецкий В.Н.* Историческая география и регионалистика: пути и перспективы взаимодействия // Псковский регионологический журнал, 2007, № 5. С. 3-13.
- Стрелецкий 2012* – *Стрелецкий В.Н.* Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал, 2012, № 14. С. 9-21.
- ФГАМ 1964 – Физико-географический атлас мира. М.: ГУГК, 1964. 298 с.
- Физическая география материков 1988 – Физическая география материков и океанов: Учеб. для геогр. спец. ун-тов. Ред. А.М. Рябчиков. М.: Высшая школа, 1986. 592 с.
- Цуциев 2007* – *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа: 1774-2004. М.: изд. «Европа», 2007. 128 с. (см. на сайте «Iriston.com – история и культура Осетии»: <http://www.iriston.com/books/cuciev - etno atlas/cuciev etno-polit map.htm> – обращение 23.12.2012 г.)
- Чибилев 2012* – *Чибилев А.А.* Евро-Азиатская граница: история вопроса и современные представления. Феномен Евразии: две части света на одном материке // Русское географическое общество: <http://www.rgo.ru/2011/02/evro-aziatskaya-granica-istoriya-voprosa-i-sovremennye-predstavleniya/> – обращение 23.12.2012 г.
- Caucasus 2012 – Caucasus // Encyclopædia Britannica, Inc.: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/100270/Caucasus> – обращение 23.12.2012 г.
- Kuma-Manych Depression 2012 – Kuma-Manych Depression // Encyclopædia Britannica, Inc.: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/324715/Kuma-Manych-Depression> – обращение 23.12.2012 г.
- Sengor A.M.C. 1997* – *Sengor A.M.C.* Asia // Encyclopedia of European and Asian Regional Geology. Eds.: E.M. Moores, R.W. Fairbridge. London: Springer, 1997. P. 34-51.

A.N. Yamskov. On the Caucasus and Its Boundaries

Keywords: Caucasus, spatial boundaries, peoples of Caucasus, territorial identity, historical-ethnographic area, physical-geographical country, geopolitical region, historical-geographical region, cultural-geographical region

The author successively discusses a variety of existing interpretations of the Caucasus as a historical-ethnographic area, as a number of neighboring physical-geographical areas and their parts

(related furthermore to different natural countries), as a geopolitical region, and as a historicalgeographical (or cultural-geographical) region; as well as corresponding essentially different foundations for the definition of its spatial boundaries. The most common is the historical-geographical understanding of the Caucasus and its boundaries, which had originated in the period of Russian empire's territorial formation and was further fixed in the social consciousness during the Soviet and post-Soviet periods. This notion of the Caucasus and its boundaries has shaped the Caucasian territorial identity among the part of Armenians and Azerbaijanis residing within the limits of states of the South Caucasus.

c. 76